

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

М. П. Зиновенко, К. Д. Скотченко

*Гомельский государственный технический университет
имени П. О. Сухого, Беларусь*

Научный руководитель И. А. Грищенко

Война была воспринята советским народом как общая беда. Все стремились внести свой посильный вклад в победу и приблизить ее. Деятели культуры не остались в стороне. Оркестр Л. Утесова собрал средства на истребитель, который назвали «Веселые ребята». Знаменитый чтец В. Яхонтов сдал деньги на танк «Владимир Маяковский». Группа художников и поэтов построили танк «Беспощадный». А. Вертинский, вернувшись на родину из эмиграции, привез с собой три вагона медикаментов [1, с. 357–358]. Уже в первые военные месяцы были сформированы фронтовые концертные бригады. С концертами на передовой выступали великие музыканты (Э. Гилельс, Д. Ойстрах), в блокадном Ленинграде прозвучала седьмая симфония Д. Шостаковича, а голосом блокадного города стал голос поэтессы О. Берггольц. Огромной популярностью у бойцов и командиров пользовались фронтовые театры. В составе этих театров (а их было 25) на фронт выезжали режиссеры Ю. Завадский, А. Дикий, С. Михоэлс. На фронте неоднократно бывал оркестр Л. Утесова, перед фронтовиками и работниками оборонных заводов выступали К. Шульженко, Л. Русланова, В. Серова, И. Козловский, И. Юрьева. Так, например, за июль 1942 г. оркестр Л. Утесова дал 45 концертов на передовой [2, с. 205]. К. Шульженко за первый год войны дала 500 концертов и это были концерты в блокадном Ленинграде. [5, с. 117].

В начале войны песен подходящих не было. Перед многими исполнителями встал вопрос репертуара. Леонид Утесов в воспоминаниях пишет: «Как перестраиваться? Заменить все веселые и шуточные номера героическими и патетическими? Стать серьезными? Но я вспомнил афоризм: «Смех убивает». Да и когда же, как не в тяжелые дни больше всего нужна шутка?!» [7, с. 250]. Оркестр Л. Утесова исполнял не только военную лирику, но и старые довоенные шлягеры шуточного содержания. Юмор на злобу дня так же шел на ура. Для этого был придуман Утесовым «Джазинформбюро». С юмористическими номерами выступали А. Райкин, И. Ильинский, Э. Гарин, клоун Карандаш. В боевые киноальбомы обязательно включали песни и сатирические номера. Фронтная лирика вошла в отдельный выпуск киноальбома под названием «Концерт фронту». Однако далеко не все песни, пользовавшиеся популярностью в народе, прозвучали в этом выпуске. Начальство «забраковало», например, «Темную ночь», «В землянке», – слишком мало было там пафоса.

Немаловажно было то, как артист выглядит на концерте. Поначалу многим артистам выдали форму. Но бойцы, да и работники тыла, в госпиталях просили оде-

вать концертные наряды, выступать «в гражданском», чтобы вспомнить прошлую мирную жизнь. По просьбе летчиков К. Шульженко сменила форму, которая ей шла, на «мирные» платья и выступала только в них [5, с. 113]. Лидия Русланова, например, выступала исключительно в народном русском костюме. А в каких условиях приходилось выступать, вспоминал писатель В. Катаев: «Недалеко идет бой – артподготовка. Осколки срезают сучья деревьев. На земле стоит Русланова. На певиче яркий сарафан, лапти. На голове цветастый платок... На шее бусы. Она поет. Ее окружают сто или полтораста бойцов. Это пехотинцы. Они в маскировочных костюмах. Их лица черны, как у марокканцев. Они только что вышли из боя и через тридцать минут снова должны идти в атаку. Молодой боец подходит и говорит: «Видишь, какие мы чумазы после боя. Но песней своей ты нас умыла, как мать умывает своих детей. Спасибо. Сердце оттаяло. Спой еще». И она поет» [4, с. 99]. «Валенки» стали визитной карточкой певицы после выступления на фронтовом концерте и особенно запомнилось их исполнение на ступенях поверженного рейхстага [6, с. 120]. На концерте в Берлине хотели слушать непременно русскую народную песню. И когда зазвучала «Степь, да степь кругом», то ком в горле стоял не только у певицы. «Герои, орлы фронтовые, на груди тесно от наград, – плакали не стыдясь» [4, с. 134].

Нередко артисты попадали в сложные ситуации. Леонид Утесов и его дочь Эдит чуть было не погибли на фронте во время налета немецкой авиации. Голос Лидии Руслановой порой заглушал рев немецких бомбардировщиков [4, с. 102]. Были и потери среди артистов: в сентябре 1941 г. погибла в полном составе фронтовая агитбригада театра сатиры, попав в немецкий тыл. Артист Я. Рудин был расстрелян как еврей, а его друг и коллега Р. Корф, немец по национальности, не стал скрывать, что коммунист и разделил судьбу своего товарища. Судьба остальных была не менее трагична [6, с. 119].

Как песня помогала выживать, хорошо иллюстрирует случай, рассказанный Л. Руслановой. В госпитале она спела колыбельную, еле сдерживая рыдания, тяжело раненому бойцу. Врач сказал, что не жилец. А он выжил и узнал певицу по голосу, когда та выступала спустя год на очередном фронтовом концерте. Боец бросился к Руслановой с криком «мама!» и уверял ее, что выжил благодаря той колыбельной. Удивительно, но Русланова встретила этого бойца в побежденном Берлине, во время знаменитого концерта на ступенях рейхстага [6, с. 117]. После того как в блокадном Ленинграде на Пасху (5 апреля 1942 г.) состоялся симфонический концерт, трансляцию которого слышали немцы, один немецкий офицер записал в дневнике: «Сегодня я понял, что мы этот город не возьмем». А К. Шульженко по поводу этого концерта добавляет: дирижировал Карл Элиасберг, немец по национальности, зал был полон, играли русскую классику, собрали всех музыкантов, кто остался в живых, первая скрипка – в ватнике на голое тело, в зале –7 градусов... [7, с. 247].

Люди в экстремальных условиях войны были чувствительны к любой казенщине. Эту мысль хорошо выразил поэт-фронтовик К. Симонов: «По собственному опыту военного газетчика я хорошо знаю, как остро и враждебно реагировали на фронте на всякую развесистую клюкву... Люди настолько болезненно воспринимали это, что – в статье ли, в картине ли, в пьесе ли – несколько фальшивых деталей заставляли отворачиваться от всего хорошего» [8, с. 225]. Судьба многих песен о войне была непростой.

Песня «Темная ночь» (муз. Н. Богословского, сл. В. Агатова) впервые прозвучала в фильме 1943 г. «Два бойца» в исполнении Марка Бернеса. Но первым исполнителем был Л. Утесов, о чем он говорит в своих мемуарах. Таким образом, песня была написана раньше, чем начали снимать фильм. А после выхода на экраны филь-

ма многие говорили: «Замечательная картина, там Бернес поет утесовскую «Темную ночь» [1, с. 349]. При записи песни на пластинку пришлось забраковать первый тираж, так как на матрицу во время записи падали слезы сотрудницы цеха звукозаписи [3, с. 41]. В том же фильме М. Бернес исполнил еще одну, ставшую популярной, песню «Шаланды, полные кефали». Марк Бернес по сценарию должен был играть солдата, одессита Аркадия Дзюбина. Роль никак не давалась актеру. Режиссер уже подумывал о снятии Бернеса с роли. Актер в расстроенных чувствах зашел в парикмахерскую, и неопытная девушка сделала корявую прическу. Но именно с этой стрижкой актер увидел своего героя, и роль состоялась. Песня одессита Аркадия должна была максимально соответствовать одесскому городскому фольклору. Для этого киностудия (фильм снимался в эвакуации) дала по радио объявление: «Граждане, знающие одесские песни, просьба явиться на киностудию в такой-то день и час». Толпой повалили одесситы, патриоты своего города, от седовласых профессоров до людей, вызывавших удивление – почему они до сих пор на свободе... Напившись одесскими напевами, Н. Богословский и В. Агатов создали настоящий шедевр. Марк Бернес был так убедителен в роли одессита, что жители Одессы признали его своим земляком и присвоили звание «Почетный житель города» (М. Бернес – уроженец Нежина) [3, с. 40–41]. Несмотря на популярность этих песен, обе не вошли в боевой киносборник из-за неодобрения их худсоветом.

Не очень понравились цензуре «упаднические» слова «до тебя мне дойти нелегко, а до смерти четыре шага» в песне на стихи А. Суркова «В землянке». А между тем эта песня, датируемая 1942 г., является одной из самых популярных песен Великой Отечественной войны. Среди многочисленных ее исполнителей – Лидия Русланова, которая записала песню на грампластинку в Ленинграде в 1942 г., но пластинка в тираж не пошла [4, с. 104].

Текст песни «Мишка-одессит» (муз. М. Табачникова (Воловаца), сл. В. Дыховичного), которую исполнял Л. Утесов, бойцы переписывали друг у друга. Она любила из-за того, что там нет и намек на казенный патриотизм. В последнем куплете в красавицу Одессу входит не «победный», а «усталый» батальон, что так же было отмечено цензурой как недостаток [1, с. 344]. Песня же М. Исаковского «Враги сожгли родную хату» и вовсе долгое время не допускалась на большую сцену, хотя она была широко известна. Мы не найдем в текстах этих песен парадного патриотизма. Эти песни без лишнего пафоса отражают душу солдата, защищающего свою Родину. На фронте люди особенно чувствительны были к фальши официоза, поэтому популярностью пользовались песни, в которых Родина представляла в образе дома, мамы, отца, любимой, ребенка.

Леонид Осипович Утесов после войны говорил о фронтовых выступлениях: «Не скажу, чтобы песни заглушали пушки, но что они помогали людям легче переносить их гром, – это несомненно» [7, с. 270].

Л и т е р а т у р а

1. Акимов, В. В. Леонид Утесов / В. В. Акимов. – М. : Олимп ; АСТ, 1999. – 448 с.
2. Гейзер, М. М. Леонид Утесов / М. М. Гейзер. – М. : Молодая гвардия, 2008. – 329 с.
3. Егорова, Т. Марк Бернес: «Я расскажу вам песню» / Т. Егорова // Музыка. жизнь. – 2007. – № 7. – С. 39–42.
4. Сафощкин, В. Д. Валенки, валенки, не подшиты, стареньки. Биография. Песни / В. Д. Сафощкин. – М. : Эксмо, 2003. – 416 с.
5. Скороходов, Г. А. Три влечения Клавдии Шульженко / Г. А. Скороходов. – М. : Алгоритм, Эксмо, 2006. – 256 с.
6. Стронгин, В. Л. Тюрьма и воля Лидии Руслановой / В. Л. Стронгин. – М. : Молодая гвардия, 2005. – 239 с.

7. Утесов, Л. О. Спасибо, сердце! / Л. О. Утесов. – М. : Вагриус, 2006. – 368 с.
8. Хотулев, В. В. Клавдия Шульженко: жизнь, любовь, песня / В. В. Хотулев. – М. : Олимп ; Смоленск : Русич, 1998. – 416 с.